

УДК 821.111(043.3)

**СКАНДИНАВСКИЕ МИФОЛОГИЧЕСКИ-ФАНТАСТИЧЕСКИЕ БАЛЛАДЫ:
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ****Е.А. ПАПАКУЛЬ***(Полоцкий государственный университет)*

На примере Швеции представлен анализ особенностей исторического, экономического и культурного развития Скандинавии, обусловивших тот факт, что по количеству сюжетов мифологического и фантастического характера скандинавское балладное наследие не имеет себе равных среди других регионов Европы. К таким особенностям развития необходимо отнести, в первую очередь, специфику распространения христианства и сохранения мифологического мировоззрения и старых верований в период расцвета балладного творчества, а также уникальность природы и ландшафта Скандинавии (на примере Швеции). Исследование затрагивает проблему различия терминологии относительно мифологически-фантастических баллад в шведской, датской, норвежской и англо-шотландской традиции. В качестве примера приводится авторский перевод одной из природно-мифологических баллад со шведского языка с краткой предысторией и необходимым комментарием.

Введение. XIV–XVI века во всех западноевропейских странах (в то же время указанные временные границы в разных странах и местностях могли не совпадать) ознаменованы широким расцветом балладного творчества, представляющего значительные аналогии по своему содержанию и структуре. Особенно широкое распространение баллады имели в германских странах – у немцев, англичан и у скандинавских народов. Но наиболее богатый и архаичный балладный репертуар сохранился в Скандинавии [1, с. 127–128]. Скандинавские баллады, включающие в себя произведения на датском, шведском, норвежском, исландском и фарерском языках, по количеству основных балладных сюжетов и по числу опубликованных текстов занимают одно из первых мест в Европе. Так, в издании “Danmarks gamle volkeviser” [2] число датских балладных сюжетов превышает 530, шведских – 220. Безусловно, часть баллад – общескандинавское достояние, другие же – только датские, только шведские или только исландские. Древнейшей родиной баллады в Скандинавии считается Дания, где жанр этот, по мнению исследователей, широко развился уже в XII–XIII веках. Предполагается, что стихотворная форма баллады как песни повествовательного (а не лирического, как в Провансе, Франции и Италии) характера сложилась в Дании самостоятельно и раньше, чем во Франции [3, с. 224].

Основная часть. Важным фактором для широкого распространения балладного творчества в Скандинавии была не такая интенсивная, как в других странах Западной Европы, феодализация региона. Благодаря этому земля в наибольшей мере оставалась во владении крестьян и не переходила в руки крупных землевладельцев, и поэтому крестьянство больше сохраняло свою свободу, в том числе и свободу творческую. По-видимому, сходное объяснение может быть дано и тому факту, что, хотя баллада представлена как жанр во всех европейских странах, она представлена больше всего в Скандинавии и на севере Англии (в Шотландии), т.е. как раз в тех странах, где феодализация была в свое время менее интенсивной, чем в остальной Европе. Впрочем, тот факт, что в Скандинавии балладное творчество получило большее развитие, чем в других европейских странах, объясняется, вероятно, также и тем, что в средние века письменная литература здесь была очень бедной, и поэтому не могла быть конкурентом баллады, тогда как в других европейских странах в средние века существовала более богатая письменная литература, в частности куртуазная поэзия, и баллада не выдерживала там конкуренции этой литературы [3, с. 217–218].

Обычно, когда речь заходит о скандинавских балладах, на ум приходят образы троллей, эльфов, русалок, духов гор и других сверхъестественных существ. Да и самая известная и популярная вплоть до сегодняшнего дня скандинавская (а точнее, шведская) баллада “Herr Mannelig”, переведённая на большинство европейских языков, рассказывает о встрече молодого рыцаря с уродливой горной троллихой. И в самом деле, количество мифологических и фантастических баллад от общего объёма произведений данного жанра весьма велик. Так, в датской и шведской балладной традиции их около 16 %, в Норвегии – около 20 %, т.е. фактически каждую пятую балладу можно отнести к данной группе. Отсюда возникает естественный вопрос, почему именно в скандинавских странах мифологические и фантастические баллады получили такое распространение, хотя в других европейских странах ничего подобного в таком объёме мы не наблюдаем (за исключением, разве что, Шотландии, исторически и культурно тесно связанной со Скандинавией). На примере Швеции, особенностей её историко-культурного развития, природы и других аспектов можно сделать определённые выводы по данной проблеме.

Расцвет баллады в Швеции приходится на то время, когда официально страна уже несколько веков была христианской, однако весьма массивный пласт мифологических и фантастических баллад говорит о том, что старые верования прочно укоренились в сознании тогдашних людей. В связи с этим важной видится необходимость кратко обозначить особенности распространения христианства в Швеции. Так, первые попытки предпринимались ещё в 20-х годах IX века. В Бирке, широко известном торговом городе того времени в области Меларн в Центральной Швеции, франкский монах Ангар сумел организовать первую миссию, просуществовавшую до 831 года. Однако позиции язычества были чрезвычайно сильны, не содействовала распространению нового учения и внешняя политика тогдашней Швеции, ибо она была мало заинтересована в связях со странами, лежащими к югу от нее. Она была связана главным образом с государствами, расположенными на востоке и юго-востоке. Около 1000 года попытки христианизации участились, они становились все более упорными; один за другим в различных местах возникали новые очаги христианства, которые как бы окружали главные центры язычества. Весь XI век в истории Швеции наполнен заметной борьбой между язычеством и христианством, в которой традиционная вера постепенно стала сдавать позиции. Большое значение в данном процессе имело то, что в течение XI века ориентация внешней политики Швеции изменилась. Страна начала ориентироваться на Юг, и это, конечно, сыграло свою роль при введении христианства. Язычники, однако, не прекращали борьбы, и эти разногласия нашли свое отражение в политической истории XI века: в междоусобных войнах и столкновениях разных претендентов на престол. Всё же, в конце концов, сопротивление язычников было сломлено. Главный языческий храм в городе Упсала пал, его боги были низвергнуты и уничтожены, и на развалинах языческого святилища была построена церковь. Разрушение храма произошло, вероятнее всего, в конце XI века, приблизительно при жизни датского короля Кнута Святого. В 1103 году христианская церковь в Швеции попала в подчинение архиепископству в Лунде, что можно считать датой официального падения язычества. Но, безусловно, о резком и кардинальном изменении в образе мышления шведов в это время говорить не приходится, равно как и утверждение о том, что с XII века Швеция становится христианской страной, далеко от истины [4, с. 44–51].

В качестве примера можно привести интересный факт из нашей белорусской истории. Официальной датой принятия христианства считается 988 год. Согласно другой версии, произошло это на 2 года раньше, когда исландский миссионер Торвальд Кодранссон основал в Полоцке монастырь Иоанна Предтечи [5]. Однако последнее действующее языческое капище на территории Беларуси было закрыто по требованию православных священников лишь в 1904 году. Представляло оно собой небольшую площадку в болотистой местности, где рос огромный дуб, стоял святой камень и постоянно горел костёр. На протяжении всего XIX века капище обслуживала семья Севастеев, а последний языческий жрец был репрессирован в печально известном 1937 году и сослан в Сибирь. Самое же необычное во всей этой истории то, что капище это находилось не в какой-нибудь глухой деревне, а в центре Минска, на берегу реки Свислочь, в районе современной улицы Красноармейской [6, с. 226].

Таким образом, с уверенностью можно утверждать, что в Швеции, как и в других европейских странах, в последующие века старые верования, да и мифологическое мировоззрение в целом никуда не пропали, а сохранялись и отражались, в том числе, и в богатой балладной традиции мифологического и фантастического характера. И хоть языческие боги исчезли ещё до расцвета балладной литературы, но древние страхи никоим образом не ослабли. Каждый мост нёс опасность, ведь под ним скрывался кровавадный водяной. Русалки и водяные, гномы и эльфы, тролли и драконы окружали скандинавов, которые ещё не были настолько религиозны, чтобы защищаться от врага христианским крестным знаменем. Руны имели гораздо большую силу по сравнению с христианскими символами, и всемогущий арфист (как, например, в балладе “*Nafrans kraft*”) мог заставить нечисть отпустить их несчастных жертв [7, с. 219]. Удалённость Швеции от крупных христианских центров, в первую очередь Рима, содействовала сохранению самобытной шведской культуры, в частности мифологическо-фантастической балладной традиции.

Ещё один важный фактор, повлиявший как на балладную традицию, так и в целом на всё мировоззрение шведов – природа, чья мощь по-настоящему повергала человека в трепет. Неистовое море поглощало корабли во время бурь и штормов, девушки гибли в бурном потоке рек, мрачные горы виделись как обитель троллей, непроходимые леса кишели вурдалаками – везде и всегда человека ожидала опасность. Но это был не просто страх перед чем-то сверхъестественным, перед фантастическими существами – шведы на самом деле верили во всевозможных троллей, эльфов и линдвормов (двухлапых крылатых драконов), ибо они были неотъемлемой частью их мировоззрения, во многом остававшегося в Средние века мифологическим.

Водяные, русалки, горные тролли и короли гор – типичные фольклорные существа. Они являются примером персонификации природы и её силы. Они опасны и угрожают так же, как и окружающая природа. Каждый дух природы имеет свою сферу власти. Водяные контролируют озёра и ручьи, но в самом

общем смысле воды во всем мире. Русалки управляют в основном морем, но в целом, как и водяные, всеми водами. Горные тролли и короли гор – в принципе, одно и то же, в их власти находятся не только горы. Леса, в конечном счете, также их собственность. В своих владениях перечисленные существа имеют абсолютную власть, они, таким образом, олицетворяют определённые стихии. Эльфы отличаются от вышеупомянутых существ тем, что они не могут рассматриваться как воплощение природной стихии, имеющие над ней власть, хоть в фольклоре они тесно связаны с туманом, бессонными ночами и ранними утренними часами. В отличие от других духов природы, они редко встречаются в одиночку, но почти всегда они собираются вместе и танцуют [8, с. 14–16].

Особое отношение жителей Швеции к природе мы видим даже в балладной терминологии. Для обозначения баллад мифологического и фантастического характера в скандинавских странах используются разные понятия. В Дании их называют “trylleviser” от глагола “trylle” – “колдовать”, по-норвежски “trollvisor” от “troll” – “тролль, великан”. Так или иначе, содержание данных баллад считается не более чем вымыслом, некоей сказкой о вымышленных существах. Данный термин отражает современное отношение к мифологическим и фантастическим балладам, но вряд ли раскрывает их истинное значение во время их создания. Противопоставляет содержание данного типа баллад реальности и английский термин “ballads of supernatural”, т.е. “баллады о сверхъестественном”, как они названы, например, в одном из самых авторитетных многотомных сборников англо-шотландских баллад “English and Scottish Ballads” Фрэнсиса Чайлда [9]. В Швеции же используется термин “naturmytiska visor” – “природно-мифологические баллады” (как, например, в крупнейшем издании XX века “Sveriges medeltida ballader” [10]), т.е. миф и природа (всё то, что окружает человека) представляют собой не что-то полярно противоположное, а единое целое.

В то же время нельзя не принять и того факта, что в данную группу попадают баллады, имеющие различное происхождение: с одной стороны, те, которые восходят к сказкам-быличкам, т.е. тому, что в свое время представлялось реальностью, правдой, а с другой – баллады, которые восходят к волшебным сказкам, которые всегда представлялись лишь неким забавным вымыслом, небылицей [3, с. 235]. Поэтому рассмотренные выше скандинавские термины не отражают в полной мере особенностей данной группы баллад, рассматривая их лишь с одной позиции. Именно в связи с этим логичным видится использование двух понятий вместо одного: “мифологические” и “фантастические” баллады, – которые более соответствуют содержанию произведений данного жанра, нежели баллады “сказочные”, “колдовские” либо “природно-мифологические”.

Возможно, это всего лишь особенности терминологии, и не стоит искать глубинный смысл в различии понятий, но то, что природа для шведов имеет первостепенное значение вплоть до сегодняшнего дня – факт бесспорный. Экологически чистые технологии, вторичная переработка отходов, стремление оказывать наименьшее влияние на природу в целом – не идеал, к которому необходимо стремиться, а шведская повседневность. Вполне вероятно, что такое трепетное отношение к природе неосознанно сохранилось в шведском подсознании ещё со времён веры в Асгард с Одином, Тором и Фрейей, равно как и в эльфов, водяных и троллей, так часто встречающихся в балладах. Как бы то ни было, следует помнить, что изучение прошлого даёт неоценимый опыт для понимания настоящего.

В качестве примера “naturmytiska visor” хотелось бы представить собственный перевод на белорусский язык шведской баллады “Warulfven”, взятой из сборника “Svenska fornsånger” Адольфа Ивара Арвидссона [11, с. 273–274]. Текст данного произведения вместе с мелодией, под которую он исполнялся, записан в местности Södermanland. Эта баллада известна в большом количестве вариантов. Сюжет сводится к тому, что молодая девушка одна отправляется через лес, чтобы, в большинстве случаев, встретиться со своим возлюбленным либо женихом. В некоторых вариантах девушка добирается до двери жилища своего жениха и хочет, чтобы её пустили, но он отказывается, ибо на дворе ночь. В других текстах девушка ночью укладывает отца спать, чтобы затем, тайно, идти на встречу с женихом. В лесу она встречает оборотня в виде обыкновенного волка, но с множеством подарков. Затем она пытается с ним торговаться, ведь на кону её жизнь. Девушка предлагает ему свои ценности, но оборотень отказывается и хочет заполучить только её жизнь. В большинстве вариантов после этого девушка издаёт душераздирающий крик, достигающий её жениха, который спешит ей на помощь. Когда же он находит девушку, она оказывается мёртвой. В некоторых версиях жених встречает оборотня, который в зубах держит так и не родившегося ребёнка, так как девушка была беременна [8, с. 8]. В “Warulfven” встреча чаще всего происходит в “rosende lund” (в розовой роще, а точнее в роще роз). В шведском литературоведении существует целая концепция “розовой рощи”. Утверждается, что роза символизировала влюблённую женщину, а роща было местом любви и любовных встреч. Но в “Warulfven” розовая роща – опасное место. Молодая девушка выходит из дому, чтобы встретиться молодым человеком, в которого она влюблена, но в розовой роще она встречает оборотня. Даже в прекрасном месте, созданном для любовных

встреч, постоянно угрожает опасность. То, что роковая встреча с оборотнем происходит прямо здесь, в розовой роще, в месте, заполненном символами любви, можно объяснить тем, что многие из версий этой баллады изображают любовь как нечто опасное. Во многих вариантах девушка беременна. И то, что место любви может приютить кровожадного волка, – своеобразный символ-предостережение того, что физическая любовь может привести к нежелательной беременности [12, с. 51]. Однако балладный символизм – тема для отдельного тщательного исследования.

Warulfven	Ваўкалак
Jungfrun hon bad sin moder om lof, <i>För linden han dammar uti lunden!</i> Att hon må till sin käraste gå. <i>Ty hon var med älskona bunden!</i>	Дазволу дачка стала ў маці прасіць. <i>Ліпка ў лесе трымцела!</i> Ці можна да любага хлопча схадзіць. <i>Каханага бачыць хацела!</i>
“Gerna skall du till din käraste få gå, “Akta dig väl för den lilla ulfven grå.” –	“Дазволу свайго не магу я не даць, Але сперажыся ты воўка спаткаць.”
“Nog aktar jag mig för lilla ulfren grå, “Bara att jag till min käraste får gå!”	“Матуля мая, я сябе зберагу, Ваўкоў не сустрэну ў сябе на шляху.”
Jungfrun hon går sig åt rosende lund, Då möter hon den lilla ulfven grå.	Ды ў ружавым гаі яе незнарок Уночы той цёмнай спаткаў шэры воўк.
“Hör du, lilla ulf, inte biter du mig, “Det röda guldband det gifver jag dig.” –	“Прашу, любы воўча, не крыўдзі мяне, Адам залаты я свой пояс табе.”
“Det röda guldband det har jag när jag kan; “Men aldrig så skön jungfru jag fann.”	“Здабуду я шмат паясоў залатых, А вось прыгажунь не знаходзіў такіх.”
Jungfrun sprang upp i det högaste träd: “Men torsa dig hit om du biter mig här!”	І ўзлезла на дрэва дзяўчына тады: “Ніколі табе не даскочыць сюды!”
Ulfven gaf upp ett så hiskeligt rop, Så trettio ullvar de kommo på en hop.	Драпежнік жахліва ў адчай зароў; І хутка было ўжо там трыццаць ваўкоў.
De refvo och sletto det trädet omkull, Så att jungfrun föll ned i den jordiska mull.	Ірваць тое дрэва яны пачалі, Праз момант дзяўчына была на зямлі.
Jungfrun gaf upp ett så'nt hiskeligt rop, Så att det hördes till Herr Peders borg.	Пранёся крык немы над гаем над тым, Гэр Пэдэр пачуў яго ў замку сваім.
Herr Peder han sadlade gångaren grå, Han red litet fortare än lilla fogeln flög.	Ён шэрага коня свайго засядлаў, За птушку хутчэй ён у гай той памчаў.
Herr Peder han red sig åt rosende lund. Då möter han ulfven med fostret i mund.	І ўбачыў там цела дзяўчыны, пасля – Забітае згرای ваўкоў немаўля.
När det blef dager och dager blef ljus, Då var det tre lik i Herr Peders hus.	Пачаўся світанак, і сонца ўзышло; У Пэдэра ў замку тры трупы было:
Det ena var Herr Peder, det andra var hans mö, <i>För linden han dammar uti lunden!</i> Det tredje det fostret som ulfven ref till död. <i>Ty hon var med älskona bunden!</i>	Гэр Пэдэр, дзяўчына яго ды дзіця, <i>Ліпка ў лесе трымцела!</i> Пазбавіла зграя няшчасных жыцця. <i>Каханага бачыць хацела!</i>

Заклучение. Проведенное исследование скандинавских мифологически-фантастических баллад и анализ их историко-культурного аспекта позволяют сделать вывод, что к основным факторам, повлиявшим на процветание народной балладной литературы и мифологически-фантастических баллад в частности, в Скандинавии (на примере Швеции), можно отнести:

- слабую феодализацию страны;
- не такую богатую, как в других европейских странах XIV–XVI веков, письменную литературу в Швеции;
- достаточно позднюю христианизацию страны, а также удалённость от крупных христианских центров, что способствовало долгому сохранению старых верований;

- своеобразии шведской природы и ландшафта.

В пользу более долгого сохранения дохристианского мировоззрения выступает и современная шведская балладная терминология.

ЛИТЕРАТУРА

1. История зарубежной литературы. Средние века и Возрождение: учебник для филол. спец. вузов / М.П. Алексеев [и др.]. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 1987. – 415 с.
2. Danmarks gamle volkeviser. Samfundet til den danske literaturs fremme. 1–12. Udgivne Svend Grundtvig, Axel Olrik u.a. Kjöbenhavn. Forlagt af Thieles bogstykkeri. 1853–1976.
3. Стеблин-Каменский, М.И. Баллада в Скандинавии / М.И. Стеблин-Каменский // Скандинавская баллада. – Л., 1978. – 275 с.
4. Андерссон, И. История Швеции / И. Андерссон. – М.: Иностр. лит., 1951. – 408 с.
5. Катлярчук, А. Місія Торвальда Вандроўніка, або скандынаўскія пачаткі хрысту Беларусі / А. Катлярчук // Швэды ў гісторыі й культуры беларусаў / А. Катлярчук. – Вільня, 2007. – С. 231–236.
6. Беларуская міфалогія: энцыклапед. слоўн. / С. Санько [і інш.]; склад. І. Клімковіч. – Мінск: Беларусь, 2006. – 599 с.
7. William, J. Entwistle. European Balladry / J. William. – Oxford: the Clarendon Press, 1939. – 404 с.
8. Sand, Nadja. Gränser och gränstillstånd: Möten med det övernaturliga i den naturmytiska balladen / Nadja Sand. – Uppsala University, 2011. – 36.
9. Child Francis James. English and Scottish Ballads / Francis James Child. – Boston: Little, Brown and Company, 1860. – Vol. I. – 334 с.
10. Jonsson, Bengt R. Sveriges medeltida ballader, utgivna av Svenskt visarkiv, band 1, Naturmytiska visor / Bengt R. Jonsson. – Stockholm: Almqvist & Wiksell international, 1983. – 495.
11. Arwidsson, A.I. Svenska fornsånger. En samling af kämpvisor, folk-visor, lekar och dansar, samt barn- och vall-sånger. Andra delen / Adolf Iwar Arwidsson. – Stockholm: tryckt hos P.A. Norstedt söner, Kongl. Boktryckare, 1837. – 482.
12. Jansson, Sven-Bertil. Den levande balladen: Medeltida ballad i svensk tradition / Sven-Bertil Jansson. – Stockholm: Prisma Cop., 1999. – 271.

Поступила 17.12.2013

SCANDINAVIAN MYTHOLOGICAL-FANTASTIC BALLADS: HISTORICAL AND CULTURAL ASPECTS

E. PAPAUL

The analysis of some peculiarities of the historical, economic and cultural development of Scandinavia (first of all Sweden) is given. It is they that are the reason for the fact that according to the number of mythological and fantastic plots Scandinavian ballad heritage has no match in other European regions. Among such peculiarities, it is necessary to mention, first of all, the specificity of the spreading of Christianity and the retention of the mythological outlook and old beliefs during the period of ballad flourishing, as well as the uniqueness of the nature and the landscape of the region. The article touches upon the issue of some terminological differences in Swedish, Danish, Norwegian and Anglo-Scottish traditions. The own translation of one of "naturmytiska visor" from the Swedish language with a short history and the necessary comment to it is given here as an example of a mythological-fantastic ballad.